

Свобода собраний под угрозой: всеобщий неизбирательный надзор и вмешательство во взаимодействие людей в интернете

Илья Сятица*

Д-р Илья Сятица является программным директором и юристом-консультантом Privacy International.

Аннотация

Каждый день по всему миру ведется сбор изображений, сообщений, твитов и другой личной информации людей, участвующих в массовых мероприятиях, демонстрациях или протестах, причем безо всяких на то разумных оснований. Правительства прибегают к целому комплексу различных мер, включая технологии распознавания лиц, поддельные вышки сотовой связи и отключение интернета, утверждая, что все это необходимо для обеспечения безопасности собраний. Эти меры рассматриваются в первую очередь как нарушение права на частную жизнь и свободу выражения мнений, но в настоящей статье приводятся и аргументы в пользу того, что надзор за протестами и другими видами собраний сле-

* Выражаю глубокую признательность Валентине Кадело и Томазо Фальчетта за участие в подготовке итоговой редакции этой статьи. Все мнения, выраженные в статье, отражают позицию автора.

дует также расценивать как покушение на свободу собраний. Осознание того, как это происходит, позволит нам не только сохранить саму природу свободы собраний, гарантирующую коллективный характер действий, но и более эффективно регулировать процесс надзора и вмешательства во взаимодействие людей в интернете в контексте собраний.

Ключевые слова: свобода собраний, протест, цифровая эпоха, массовый надзор, вмешательство, взаимодействие в интернете.

⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮

Введение

Наличие у людей возможности собираться вместе, выражать несогласие и проводить мирные протесты является краеугольным камнем любого, причем не только демократического общества¹. В одном только 2019 году в целом ряде стран по всему миру состоялось более 100 акций протеста². Цифровые технологии до известной степени благоприятствовали и способствовали этим тенденциям, поскольку люди используют их для проведения организованных обсуждений, получения и распространения информации, побуждения к участию и привлечения сторонников³. Однако при этом те же самые технологии и другие инструменты все чаще служат средством надзора за такими движениями и для их подавления.

Под мирным собранием, включая право на протест⁴, в данном случае понимается «сход людей с такими целями, как самовыражение, изложение какой-либо позиции по конкретному вопросу или обмен идеями»⁵. Главный акцент в данном случае делается на коллективном выражении индивидуального права безотносительно используемых для этого средств — речь может идти как о выражении мнений преимущественно через социаль-

1 African Charter on Human and Peoples' Rights, 1520 UNTS 245, 27 June 1981 (ACHPR), Art. 11; American Convention on Human Rights, San José, 22 November 1969 (ACHR), Art. 15; Международный пакт о гражданских и политических правах, 999 UNTS 171, 16 декабря 1966 г. (МПГПП), ст. 21; European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (с учетом поправок, внесенных последующими протоколами), CETS No. 5, Rome, 4 November 1950 (ECHR), Art. 11; Всеобщая декларация прав человека, ГА ООН, резолюция 217A, 10 декабря 1948 г. (ВДПЧ), ст. 20(1).

2 UN Office of the High Commissioner for Human Rights (UN Human Rights), "Press Briefing Note on Protests and Unrest around the World", 25 October 2019, доступно по адресу: www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25204&LangID=E (все ссылки на интернет-ресурсы приводятся по состоянию на январь 2021 г.).

3 См., например: Zeynep Tufekci, *Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest*, Yale University Press, New Haven, CT, 2017, p. 29.

4 Понятия «протест» и «собрание» здесь и далее используются практически как синонимы, несмотря на то, что их значения несколько различаются. Применительно к свободе собраний см. источники, перечисленные в примечании 1 выше.

5 *Комитет по правам человека*. Замечание общего порядка № 37 (2020) о праве на мирные собрания (статья 21), док. ООН CCPR/C/GC/37, 27 июля 2020 г. (Замечание общего порядка № 37), п. 12.

ные сети, так и об организации очных собраний⁶. Примером использования онлайн-пространства для мобилизации женщин и жителей разных стран в целом в масштабе всей планеты может служить движение #MeToo⁷. Поскольку установить, в какой момент онлайн-кампания является или становится частью публичного собрания, можно лишь по итогам изучения каждого конкретного случая в отдельности, предпочтительно использовать определения, которые отличаются максимальной широтой⁸. Если некоторые формы изъясления мнений в интернете, включая онлайн-протесты, подпадают под защиту как проявление права человека на свободу собраний, то другие могут быть в первую очередь отнесены к другим правам человека, таким как свобода выражения мнений⁹.

О существовании тесной связи между надзором и вмешательством во взаимодействие в интернете и правом на свободу собраний говорится, в частности, в докладе Верховного комиссара ООН по правам человека за 2020 год.

Тема доклада — «Воздействие новых технологий на поощрение и защиту прав человека в контексте собраний, включая мирные протесты»¹⁰. Тем не менее в первую очередь он посвящен использованию цифровых технологий в целях вмешательства в частную жизнь и ограничения свободы выражения мнений, что в конечном счете ведет к ущемлению права на свободу собраний. Однако такой проблеме, как прямое вмешательство в целях ограничения свободы собраний как таковой, в докладе уделяется меньше внимания.

В настоящей статье говорится о необходимости дополнительного анализа, который поможет понять, каким образом надзор и другие меры вмешательства в обмен информацией в интернете, предпринимаемые властями, становятся прямым ограничением свободы людей на мирные собрания. Осознание того, как это происходит, позволит нам не только сохранить саму природу свободы собраний, гарантирующую коллективный характер

6 Если раньше важнейшим элементом собрания являлась очная встреча людей, то сегодня, в цифровую эпоху, все больше специалистов соглашаются с тем, что собрание включает в себя все формы коллективного выражения мнений, даже если такое выражение мнений происходит в цифровом/онлайн-пространстве. См. там же: п. 13; *Вуле, Клеман*. Права на свободу мирных собраний и на свободу ассоциации: доклад Специального докладчика по вопросу о праве на свободу мирных собраний и праве на свободу ассоциации, док. ООН A/HRC/41/41, 17 мая 2019 г.

7 *Вуле* (примечание 6 выше), п. 23.

8 См.: Michael Hamilton, “The Meaning and Scope of ‘Assembly’ in International Human Rights Law”, *International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 69, No. 3, 2020, p. 527.

9 См. комментарий ниже о взаимосвязи между собранием и выражением мнений. См. также: *ibid.*, p. 528.

10 См., например: *Совет ООН по правам человека*. Воздействие новых технологий на поощрение и защиту прав человека в контексте собраний, включая мирные протесты: ежегодный доклад Верховного комиссара ООН по правам человека, док. ООН A/HRC/44/24, 24 июня 2020 г. См. также ранее: *Совет по правам человека*. Резолюция 15/21 «Право на свободу мирных собраний и право на ассоциацию», 30 сентября 2010 г.; Maina Kiai and Jeff Vize, “Three Years after Tunisia: Thoughts and Perspectives on the Rights to Freedom of Assembly and Association from United Nations Special Rapporteur Maina Kiai”, *Journal of Global Ethics*, Vol. 10, No. 1, 2014.

действий, но и более эффективно регулировать процесс надзора и вмешательства во взаимодействие людей в интернете в контексте протестов или иных разновидностей собраний¹¹. Далее в настоящей статье приводится краткий обзор общих мер надзора и вмешательства во взаимодействие людей в интернете, описывается тесная взаимосвязь между правом на частную жизнь, свободой выражения мнений и свободой собраний и предлагается правовой анализ причин, по которым некоторые из этих мер представляют собой прямое покушение на свободу собраний.

Надзор за проведением мирных собраний и вмешательство во взаимодействие людей в интернете

Люди собираются на улицах или онлайн не только ради общего дела и в знак солидарности, но и для того, чтобы критиковать политику своих правительств и выражать протест против принимаемых ими мер. В ответ государственные власти прибегают к высокотехнологичным средствам надзора, цензуре и жестким методам подавления. В настоящей статье рассматриваются первые два вида воздействия¹². Власти при этом ссылаются на свои прямые обязательства по защите свободы собраний и на свое право ограничивать протесты во имя общественного порядка и в интересах национальной безопасности, пытаясь таким образом оправдать применение средств всеобщего неизбирательного надзора и мер вмешательства во взаимодействие людей в интернете¹³.

Всеобщий неизбирательный надзор за проведением мирных собраний

Появление цифровых технологий значительно расширило возможности властей в части наблюдения за собраниями граждан, в том числе за акциями протеста. Технологии используются для того, чтобы следить за планированием и организацией протестов, а также осуществлять надзор

11 В настоящей статье не освещаются случаи беспорядков во время собраний или ситуации, которые Международный Комитет Красного Креста описывает как «другие ситуации насилия». В ней также не идет речь о случаях вооруженных конфликтов (как международных, так и не являющихся таковыми), в отношении которых применяются нормы международного гуманитарного права.

12 В данной статье не рассматриваются случаи применения силы в ответ на мирные протесты.

13 См. анализ, который приводится ниже, в третьей части настоящей статьи. Государства несут прямое обязательство принимать разумные и адекватные меры для поддержки и защиты законных демонстраций и создания условий для их мирного проведения. См., например: *Совет по правам человека*. Резолюция 44/20 «Поощрение и защита прав человека в контексте мирных протестов», 17 июля 2020 г., п. 4; *Совет по правам человека*. Резолюция 25/38 «Поощрение и защита прав человека в контексте мирных протестов», 28 марта 2014 г., п. 4; *Совет по правам человека*. Резолюция 24/5 «Права на свободу мирных собраний и право на свободу ассоциации», 26 сентября 2013 г., п. 8 преамбулы. См. также: Pieter van Dijk, Fried van Hoof, Arjen van Rijn and Leo Zwaak (eds), *Theory and Practice of the European Convention on Human Rights*, 4th ed., Intersentia, Antwerp, 2006, pp. 836–837.

во время самих акций протеста и даже после их завершения. Власти получают эту информацию в виде огромных массивов данных из самых различных источников — как общественных, так и частных¹⁴, и при этом им совершенно неважно, являются ли участники подозреваемыми в совершении преступления¹⁵.

«Способность использовать коммуникационные технологии надежно и конфиденциально имеет жизненно важное значение для организации и проведения собраний»¹⁶, однако благодаря наличию данных и инструментария по обработке этих данных государственные власти все активнее занимаются сбором и анализом личной информации лиц, которые планируют или организуют протесты, и самих протестующих всего лишь на том основании, что они планировали собрание или принимали в нем участие. Многие из этих методов надзора остаются незаметными для протестующих и могут использоваться без ведома, согласия или участия лиц, являющихся объектом надзора.

Каждый новый протест становится очередным свидетельством того, что список инструментов, используемых для надзора за протестами, становится все длиннее. Если говорить об интернете, то власти могут следить за общением людей в социальных сетях и собирать всю опубликованную информацию, которая имеет отношение к протестам, совершенно неизбирательно¹⁷. Эти действия предусматривают получение доступа как к публичным, так и к частным цифровым площадкам и сбор имеющейся там информации. Представители властей даже создают фальшивые учетные записи и обманом присоединяются к частным онлайн-группам, чтобы следить за разговорами их участников, а также выдают себя за организаторов протестов, пытаясь влиять на ход дискуссий и планы и даже аресто-

14 В Замечании общего порядка № 37 подчеркивается, что сам по себе факт публичности собрания не исключает возможности нарушения неприкосновенности частной жизни участников: см.: Замечание общего порядка № 37 (примечание 5 выше), п. 62. Схожим подходом руководствовался и Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), который в рамках своей судебной практики признал, что частные лица имеют право разумно ожидать соблюдения неприкосновенности их частной жизни, несмотря на то, что их действия могут носить публичный характер. См., например: ECtHR, *Uzun v. Germany*, Appl. No. 35623/05 (Fifth Section), 2 September 2010, paras 48–53.

15 В данном контексте понятие «лицо, представляющее интерес» применительно к протестам носит более широкий характер и включает в себя «инфлюенсеров» протестов — этот термин позаимствован у маркетологов и означает людей, которые способны привлекать внимание и мобилизовать массы силой своего авторитета. См.: Lina Dencik, Arne Hintz and Zoe Carey, “Prediction, Pre-Emption and Limits to Dissent: Social Media and Big Data Uses for Policing Protests in the United Kingdom”, *New Media & Society*, Vol. 20, No. 4, 2018, p. 1445.

16 *Совет по правам человека* (примечание 10 выше), п. 24; *Совет по правам человека*. Совместный доклад Специального докладчика по вопросу о правах на свободу мирных собраний и свободу ассоциации и Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о надлежащем управлении собраниями, док. ООН А/НRC/31/66, 4 февраля 2016 г., п. 75.

17 В отношении масштаба сведений, которые могут быть получены путем сбора, анализа и объединения информации, см.: Privacy International, “Social Media Intelligence”, 23 October 2018, доступно по адресу: <https://privacyinternational.org/explainer/55/social-media-intelligence>. См. также: L. Dencik, A. Hintz and Z. Carey (примечание 15 выше).

вывать инакомыслящих¹⁸. Они могут также требовать от владельцев социальных сетей и приложений мобильных телефонов, позволяющих следить за перемещением объекта, предоставить им данные пользователей, включая информацию о том, кто из них искал в интернете сведения о протестах и в чем заключается содержание разговоров организаторов или протестующих¹⁹. Наконец, они используют техники взлома²⁰, чтобы проникнуть в учетные записи организаторов и участников протестов в социальных сетях и таким образом получить доступ к их спискам контактов и личным сообщениям или чтобы обманом заставить их, например, скачать вредоносное ПО на свои персональные устройства, благодаря чему власти смогут беспрепятственно изучать их контакты, переписку, фото- и видеоизображения и другую личную информацию, которая может храниться в памяти телефонов²¹.

В период протестов этот всеобщий неизбирательный надзор становится еще более интенсивным. Поддельные вышки сотовой связи и программные средства распознавания лиц и анализа тональности сообщений²², а также — нововведение последних лет — применение военных беспилотников, которые, как утверждается, оснащены некоторыми из вышеперечисленных средств, — все это в совокупности позволяет властям по собственному усмотрению устанавливать личность всех без исключения участников протестов. Так, например, для вмешательства в работу мобильных телефонов протестующих может быть использовано множество различных устройств, имитирующих станции сотовой связи и перехватывающих сигнал всех мобильных телефонов, которые находятся в зоне их доступа, для дальнейшего слежения за ними. Подобные устройства обычно собирают данные о международном идентификаторе абонента мобильной связи (IMSI) и международном идентификаторе оборудования

18 Некоторые государственные органы выступают от имени организаторов протестов и распространяют ложную информацию или подвергают опасности сторонников движений, в том числе посредством «доксинга» (т. е. злонамеренной публикации личной информации с целью причинения физического вреда протестующим и организаторам). *Совет по правам человека* (примечание 10 выше), п. 27.

19 Council of Europe, *Report by the Committee of Experts on Cross-Border Flow of Internet Traffic and Internet Freedom on Freedom of Assembly and Association on the Internet*, 10 December 2015.

20 Под взломом здесь понимается действие или ряд действий, направленных на вмешательство в работу системы, в результате чего она начинает функционировать не так, как было запланировано и предусмотрено ее производителем, пользователем или владельцем. Взлом может создавать серьезные и уникальные по своей природе угрозы для конфиденциальности и безопасности. Для получения дополнительной информации см.: Privacy International, “Hacking Necessary Safeguards”, 2018, доступно по адресу: <https://privacyinternational.org/demand/government-hacking-safeguards>.

21 Access Now, “OHCHR Call for Input: The Promotion and Protection of Human Rights in the Context of Peaceful Protests”, 2019, доступно по адресу: www.accessnow.org/cms/assets/uploads/2020/06/OHCHR-Call-for-Input-Use-of-ICTs-in-Protests-October-15.pdf.

22 «Анализ тональности сообщений» используется в данном случае для описания технологии, предназначенной для анализа разнообразных данных, таких как, например, язык, текст и биометрические характеристики, в целях выявления эмоций интересующих субъектов. Этот термин также используется в отношении материалов, представляющих собой «мнение заказчика», например отзывов и ответов на опросы.

мобильной связи (IMEI), которые у каждого телефона и SIM-карты являются уникальными. Отсюда и название этих устройств — «улавливатели IMSI»²³. Но их умения этим вовсе не ограничиваются: некоторые устройства, подсоединившись к мобильному телефону, могут блокировать или перехватывать все входящие и исходящие данные, включая содержание звонков и текстовых сообщений и историю посещения веб-сайтов²⁴. Таким образом, они могут в массовом порядке получать сведения с мобильных устройств тысяч владельцев.

Властям не обязательно следить за мобильными телефонами, чтобы установить личность всех участников собрания, поскольку в последнее время они все чаще прибегают к такому средству, как аудио- и видеозапись участников собрания в сочетании с технологией распознавания лиц как в режиме реального времени, так и постфактум²⁵. В процессе власти могут собирать изображения всех без исключения участников протеста. Технология основана на сопоставлении цифрового представления лица в цифровом изображении с другими шаблонами, имеющимися в базе данных, чтобы таким образом установить, является ли конкретный прохожий лицом, которое представляет интерес для следствия²⁶.

Помимо этого, по имеющимся данным, некоторые власти используют военную разведывательную аппаратуру, которая может быть оснащена улавливателями IMSI, камерами с программой распознавания лиц

- 23 Улавливатели IMSI имеют множество других наименований — «имитаторы базовых станций сотовой связи», «перехватчики мобильных телефонов», «идентификаторы мобильных устройств», «устройства-взломщики» — или носят название своих торговых марок, например StingRay или DRTbox. Jennifer Valentino-DeVries, “How ‘Stingray’ Devices Work”, *Wall Street Journal*, 21 September 2011, доступно по адресу: <https://blogs.wsj.com/digits/2011/09/21/how-stingray-devices-work/>.
- 24 См.: Christopher Soghoian and Stephanie K. Pell, “Your Secret Stingray’s No Secret Anymore: The Vanishing Government Monopoly over Cell Phone Surveillance and Its Impact on National Security and Consumer Privacy”, *Harvard Journal of Law & Technology*, Vol. 28, No. 1, 2014; Adrian Dabrowski, Nicola Pianta, Thomas Klepp, Martin Mulazzani and Edgar Weippl, “IMSI-Catch Me If You Can: IMSI-Catcher-Catchers”, *Proceedings of the 30th Annual Computer Security Applications Conference*, ACM Press, 2014, доступно по адресу: <http://dl.acm.org/citation.cfm?doid=2664243.2664272>.
- 25 «Технология распознавания лиц» в данном случае означает любую систему, которая была создана для анализа изображений разных людей в целях идентификации их личности. Такие системы могут сканировать особые и конкретные параметры человеческих лиц, например форму лица, для создания детальной биометрической карты. *Совет по правам человека* (примечание 10 выше), п. 30.
- 26 Изображения, фигурирующие в списке отслеживания, могут поступать из самых разных источников и включают далеко не только лиц, подозреваемых в совершении уголовных преступлений. Shaun Walker, “Face Recognition App Taking Russia by Storm May Bring End to Public Anonymity”, *The Guardian*, 17 May 2016, доступно по адресу: <https://www.theguardian.com/technology/2016/may/17/findface-face-recognition-app-end-public-anonymity-vkontakte>. Компания Clearview AI использовала изображения людей, опубликованные пользователями социальных сетей, для «обучения» собственной системы по распознаванию лиц и делала это без согласия владельцев учетных записей. Инструмент распознавания лиц, созданный Clearview AI, позволил полиции соотнести протестующих с их учетными записями в социальных сетях, в результате чего участникам протестов стало сложнее сохранять анонимность. Harmon Leon, “This Controversial Company Is Selling Your Social Media Photos to Law Enforcement”, *The Observer*, 2 November 2020, доступно по адресу: <https://observer.com/2020/02/clearview-ai-social-media-photos-law-enforcement/>.

и другими устройствами для слежения за протестующими²⁷. К числу других технологий, которые, как сообщается, применяются во время собраний и протестов, относятся программы автоматического распознавания автомобильных номерных знаков, отслеживание операций по кредитным картам, технология извлечения данных мобильных телефонов (применяется как физически, во время задержания и обыска, так и удаленно)²⁸, программное обеспечение для анализа эмоциональной окраски сообщений, нательные камеры, получение данных от поставщиков услуг связи и облачная аналитика. Все эти технологии используются для надзора за протестами комплексно и в сочетании с целым набором агрегационных инструментов, которые позволяют объединять данные из всех этих источников в общий массив.

Вмешательство во взаимодействие людей в интернете в связи с мирными собраниями

Помимо этих надзорных мер власти применяют и другие тактики, направленные на вмешательство в собрания людей (как до этих собраний, так и во время и после их проведения). К таким тактикам относятся фильтрация контента, имеющего отношение к протестам; блокировка веб-сайтов и платформ, которые используются для планирования и организации протестных акций и мобилизации их сторонников; ликвидация учетных записей, принадлежащих организаторам, активистам или журналистам; отключение интернета и сетей связи.

Отключение интернета означает полное прекращение работы телекоммуникационных и мобильных сетей и трафика обмена данными в интернете²⁹. Эти меры призваны ограничить или заблокировать доступ к онлайн-информации или средствам ее распространения³⁰. Отключение интернета может происходить на территории целой страны или нескольких стран, в конкретных регионах, городах, районах или округах. Продолжительность таких отключений может составлять от пары часов до нескольких месяцев³¹. Перекрытие доступа к Всемирной паутине стало едва ли не устоявшейся практикой, к которой власти прибегают в периоды

27 Подобные технологии одновременно используют данные мобильных телефонов, инструменты для чтения номерных знаков и видеозаписи задержаний в режиме реального времени. Сочетание всех этих данных позволяет полиции быстро и с минимальными усилиями отслеживать и задерживать подозреваемых.

28 См.: Privacy International, "Mobile Phone Extraction", доступно по адресу: <https://privacyinternational.org/sites/default/files/2019-02/Explainers-MPE.pdf>.

29 Также именуемые «блокировкой», «сетевыми отключениями» или «полным отключением». См.: Access Now, "#KeepItOn: The Problem", доступно по адресу: www.accessnow.org/keepiton/#problem. См. также: *Совет по правам человека*. Резолюция 32/13 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете», 1 июля 2016 г.

30 Кей, Дэвид. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, док. ООН A/HRC/35/22, 30 марта 2017 г., п. 8, прим. 6.

31 *Комитет по правам человека*. Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Камеруна, док. ООН ССРР/С/CMR/CO/5, 30 ноября 2017 г., п. 41.

общественных беспорядков и акций протеста³². Такие отключения предусматривают «меры, призванные ограничить или заблокировать доступ к онлайн-информации или средствам ее распространения в нарушение закона о защите прав человека»³³. По имеющимся данным, в 2019 году насчитывалось как минимум 65 случаев таких отключений в связи с протестами³⁴.

Помимо этого, правительства блокируют и замедляют или делают невозможной работу целых сайтов, социальных платформ (таких как Facebook и Twitter) и мобильных приложений (например, WhatsApp и Telegram)³⁵. Еще одним, более тонким способом блокировки и фильтрации информации для населения является блокирование ключевых слов и веб-страниц³⁶. Иногда власти требуют от социальных сетей заблокировать учетные записи конкретных пользователей, ссылаясь на то, что в них содержится противозаконный контент. Это распространенная практика нейтрализации ключевых участников мирных собраний и объединений на этапе их подготовки.

Другими типичными ответными действиями являются ликвидация контента, имеющего отношение к протестам, и принятие новых законов, которые обязывают посредников (телекоммуникационные компании и поставщиков услуг связи) выполнять подобные требования властей во время протестных акций или иным образом возлагают на них ответственность за эти протесты³⁷. Все эти меры свидетельствуют о том, что правительства твердо убеждены в своем праве блокировать цифровые средства коммуникации, несмотря на то, что сегодня мы живем во времена, когда они зачастую становятся единственным средством связи между людьми³⁸.

Кроме того, нельзя не отметить, что правительства постепенно формируют такие нормативно-правовые базы, которые позволяют признать

32 Кей (примечание 30 выше), п. 8, прим. 6, и п. 11. См. также: *Совет по правам человека. Резолюция 32/13* (примечание 29 выше), п. 10.

33 Кей (примечание 30 выше), п. 8.

34 Access Now, *Targeted, Cut Off, and Left in the Dark: The #KeepItOn Report on Internet Shutdowns in 2019*, 2019, доступно по адресу: www.accessnow.org/cms/assets/uploads/2020/02/KeepItOn-2019-report-1.pdf.

35 Специальный докладчик Совета по правам человека недавно заявил в своем докладе, что «полное блокирование веб-сайтов правозащитных организаций и политических оппозиционных партий становится все более распространенным явлением во многих регионах мира, в том числе в странах Ближнего Востока и Северной Африки» (*Буле* (примечание 6 выше), п. 41). См. также: *Совет по правам человека* (примечание 10 выше), п. 23.

36 Sanja Kelly, Sarah Cook and Mai Truong (eds), *Freedom on the Net 2012: A Global Assessment of Internet and Digital Media*, Freedom House, 2012, pp. 164–176, доступно по адресу: https://freedomhouse.org/sites/default/files/resources/FOTN%202012%20-%20Full%20Report_0.pdf.

37 Article 19, *The Right to Protest Principles: Background Paper*, 2016, p. 33, доступно по адресу: www.article19.org/data/files/medialibrary/38581/Protest-Background-paper-Final-April-2016.pdf.

38 Некоторые государства открыто признаются в том, что прибегают к дезинформации для воспрепятствования протестам и предпринимают попытки помешать массовой и публичной мобилизации участников посредством интернета. Gayathry Venkiteswaran, *Freedom of Assembly and Association Online in India, Malaysia and Pakistan: Trends, Challenges and Recommendations*, APC IMPACT, 2016, p. 41, доступно по адресу: www.apc.org/sites/default/files/FOAA_online_IndiaMalaysiaPakistan.pdf.

использование технологий взаимодействия в интернете преступлением, что создает косвенные ограничения для организации собраний и участия в них. Пользователи социальных сетей и других платформ, которые служат средством связи при организации протестов, все чаще становятся объектами пристального внимания со стороны властей: их задерживают силами полиции, преследуют в судебном порядке и даже выносят им приговоры по уголовным делам исключительно за их деятельность в интернете³⁹. Так, например, в некоторых государствах был принят целый ряд законодательных и административных мер — в том числе законы, прямо или косвенно регламентирующие деятельность онлайн, — для отслеживания лиц, участвующих в мирных акциях протеста⁴⁰. Примером такого закона может служить запрет властей Бразилии на использование социальных сетей для организации протестов⁴¹. Что касается ограничений, которые носят скрытый характер, то, включая в некоторые законы широкие по своему значению термины, власти получают возможность преследовать организаторов протестов за нарушение общественного порядка, подстрекательство к таким нарушениям, терроризм или угрозу национальной безопасности⁴². Одновременно с этим наблюдается тенденция к криминализации действий, которые могут подпадать под защиту как проявление права на свободу собраний, например некоторые формы гражданского неповиновения в Сети⁴³.

Права на неприкосновенность частной жизни, свободу выражения мнений и свободу собраний

В последние годы все больше внимания уделяется последствиям всеобщего неизбирательного надзора и вмешательств во взаимодействие людей в интернете в связи с планированием и организацией акций протеста. В резюме доклада Верховного комиссара ООН по правам человека говорится о том, что «использование [новых] технологий для наблюдения за протестующими или подавления их выступлений может привести

39 К жертвам таких арестов относятся журналисты, правозащитники (которые зачастую являются «лицом» протестов) и другие представители гражданского населения — все лица, которые выступают в качестве организаторов или участников протестов, а также все, кто распространяет информацию о них. Article 19 (примечание 37 выше), pp. 33–34.

40 Ibid., p. 33.

41 Ibid., p. 33.

42 Так, например, в Уголовный кодекс Испании были внесены поправки, включившие в него положения о незаконности рассылки или публичного распространения при помощи любых средств призывов к совершению преступления, заключающегося в любой форме нарушения мирной жизни. Nils Muižnieks, *Report by Nils Muižnieks, Commissioner for Human Rights of the Council of Europe, Following His Visit to Spain from 3 to 7 June 2013*, CommDH(2013)18, 2013, para. 130. См. также: Council of Europe (примечание 19 выше), с. 14.

43 Article 19 (примечание 37 выше), pp. 25–26; Alex Comminos, *Freedom of Peaceful Assembly and Freedom of Association and the Internet*, APC Issue Paper, 2012, p. 7, доступно по адресу: https://www.apc.org/sites/default/files/cyr_english_alex_comminos_pdf.pdf.

к нарушениям прав человека, в том числе права на мирные собрания»⁴⁴. Эта тенденция не может не вселять оптимизм, поскольку проблемы, связанные с надзором за собраниями и протестами, чаще всего классифицировались как нарушения права на неприкосновенность частной жизни⁴⁵ или на свободу выражения мнений⁴⁶.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), например, постановил, что хранение данных активиста мирного движения, который никогда не был осужден за совершение какого бы то ни было правонарушения, в связи с проведением мирного протеста не является обоснованным как в целом, так и в контексте конкретного расследования. Следовательно, подобные действия являются нарушением его права на неприкосновенность частной жизни⁴⁷. Кроме того, в своем решении от 25 июня 2020 года Суд Экономического сообщества государств Западной Африки (ЭКОВАС) постановил, что отключения интернета, произведенные в сентябре 2017 года по распоряжению правительства Того во время акций протестов, были незаконными и нарушали право заявителей на свободу выражения мнений⁴⁸.

Безусловно, все три права — на неприкосновенность частной жизни, на свободу выражения мнений и на свободу собраний — в значительной степени пересекаются между собой, когда речь заходит о проведении собраний, и границы между ними неизбежно размываются. Это исторически сложившийся принцип отправления правосудия, согласно которому суд нередко не рассматривает нарушение всех тесно связанных между собой прав, если он пришел к заключению о том, что нарушено хотя бы одно из этих прав. Это касается не только свободы собраний — так, например, ЕСПЧ неоднократно заявлял, что нет никакой необходимости рассматривать возможный факт нарушения другого права⁴⁹. Имеется также ряд дел, по итогу рассмотрения которых ЕСПЧ пришел к выводу о нарушении права на свободу собраний и заявил, что устанавливать факт нарушения свободы выражения мнений не требуется. В то же время эти дела касаются случаев, когда протестующих арестовывали до, во время или сразу после

44 Совет по правам человека (примечание 10 выше).

45 ВДПЧ, ст. 12; АСНР, Art. 11; МПГПП, ст. 17; ЕСНР, Art. 8.

46 ВДПЧ, ст. 19. См. также: АСНР, Art. 9; АСНР, Art. 13; МПГПП, ст. 19; ЕСНР, Art. 10.

47 ECtHR, *Catt v. The United Kingdom*, Appl. No. 43514/15, Judgment (First Section), 24 January 2019. В заключении по другому делу Суд заявил, что «Статья 10 [о свободе выражения мнений] должна рассматриваться как общий закон по отношению к статье 11 [свобода собраний], которая является специальным законом и не нуждается в отдельном рассмотрении». ECtHR, *Ezelin v. France*, Appl. No. 11800/85, Judgment, 26 April 1991, para. 35.

48 Community Court of Justice of ECOWAS, *Amnesty International Togo and Others v. The Togolese Republic*, Judgment, 25 June 2020. Схожим образом в декабре 2021 г. ЕСПЧ единогласно постановил, что всеобъемлющая блокировка целых платформ или, как в данном деле, хостинг-сервиса Google Sites является нарушением права на свободу выражения мнений, закрепленного в статье 10 Европейской конвенции по правам человека. ECtHR, *Ahmet Yildirim v. Turkey*, Appl. No. 3111/10, Judgment (Second Section), 18 December 2012, paras 66–68.

49 ECtHR, *Ezelin* (примечание 47 выше).

акции протеста или когда государство запрещало проведение такой акции или необоснованно ограничивало организацию собрания⁵⁰.

На уровне ООН право на свободу собраний все чаще упоминается в одном ряду с правом на неприкосновенность частной жизни и правом на свободу выражения мнений, когда речь идет про влияние надзора и вмешательства во взаимодействие людей в интернете на права человека, — именно для того, чтобы подчеркнуть конкретные проблемы, которые возникают в связи с надзором за мирными собраниями⁵¹. Существует также множество резолюций, докладов и иных документов, в которых говорится о свободе собраний в цифровую эпоху и отмечаются последствия надзора за собраниями⁵².

В то же время в настоящей статье отмечается, что, несмотря на то что проблема свободы собраний в последнее время привлекает к себе все больше внимания, международные и региональные ведомства (судебные, квазисудебные, политические и независимые эксперты) пока не в полной мере изучили и осознали весь масштаб прямого влияния на свободу собраний и возможного ущемления этого права, которые являются следствием всеобщего неизбирательного надзора и вмешательства во взаимодействие людей в интернете.

Так, например, при анализе последствий надзора за собраниями Комитет ООН по правам человека в своем Замечании общего порядка № 37 говорит о праве на неприкосновенность частной жизни следующее:

Сам по себе факт публичности собрания не исключает возможности нарушения неприкосновенности частной жизни участников. Право на неприкосновенность частной жизни может быть нарушено, например при использовании технологий распознавания лиц или других технологий, позволяющих идентифицировать отдельных участников в толпе⁵³.

Глубокий анализ влияния надзора и вмешательства во взаимодействие людей в интернете на свободу собраний необходим как для сохранения самой природы этой свободы, так и для более эффективного регулирования, реализации и обеспечения соблюдения надзорных мер в связи с протестами.

Свобода собраний отражает право всех людей без исключения на беспрепятственное формирование собственной позиции, что также явля-

50 См., например: ECtHR, *Öllinger v. Austria*, Appl. No. 76900/01, Judgment (First Section), 29 June 2006, paras 52–53.

51 См., например: *Совет по правам человека*. Резолюция 42/15 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век», 26 сентября 2019 г., п. 30 преамбулы.

52 См., например: Замечание общего порядка № 37 (примечание 5 выше); *ГА ООН*. Резолюция 73/179 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху», 17 декабря 2018 г.; *Совет по правам человека*. Резолюция 44/20 (примечание 13 выше); *Вуле* (примечание 6 выше); *Совет по правам человека* (примечание 10 выше).

53 Замечание общего порядка № 37 (примечание 5 выше), п. 62 (курсив наш).

ется характеристикой права на свободу выражения мнений⁵⁴. В то же время свобода собраний содержит в себе некий социальный компонент, благодаря которому человек чувствует, что действует во имя общего интереса или единой цели. Этим правом гарантируется коллективный характер протестов, объединяющей силой которых является общая цель⁵⁵. Посягательство на свободу собраний наносит урон всей общественной сети, участники которой объединились ради достижения конкретной цели⁵⁶. Свобода собраний как таковая помогает развивать и укреплять демократические общества⁵⁷. И если надзор в первую очередь нарушает право на неприкосновенность частной жизни, то он в равной мере создает благоприятные условия для ущемления и других прав, включая свободу собраний⁵⁸. Нарушение права на неприкосновенность частной жизни чаще всего не является самоцелью и, скорее, открывает путь для покушения на другие права⁵⁹. В этом смысле оно часто приводит в том числе и к ограничению свободы собраний.

Массовый надзор и вмешательство во взаимодействие людей в интернете как посягательство на свободу собраний

Прямое вмешательство в осуществление права на свободу собраний

Многие из вышеперечисленных мер, представляющих собой надзор и вмешательство во взаимодействие людей в интернете, могут использоваться для того, чтобы напрямую препятствовать осуществлению права на свободу собраний. Например, как уже отмечалось выше, так называемые улавлива-

54 Об особенностях этого *lex specialis* говорится в заключении ЕСПЧ по делу *Ezelin* (примечание 47 выше).

55 Комитет по правам человека пришел к выводу о неприменимости права на свободу собраний в ситуациях, когда человек действует в одиночку. Human Rights Committee, *Patrick Coleman v. Australia*, Communication No. 1157/2003, UN Doc. CCPR/C/87/D/1157/2003, Views, 10 August 2006, para. 6.4.

56 Одним из отличительных критериев, отмеченных судом, является то, что при осуществлении права на свободу собраний участники будут стремиться не только выразить свое мнение, но и сделать это вместе с другими. См., например: *ЕСПЧ. Дело № 29580/12 «Навальный против России»* и четыре других дела, постановление Большой Палаты ЕСПЧ, 17 февраля 2004 г., п. 101. См. также: М. Hamilton (примечание 8 выше), pp. 525–526, 534–535.

57 Как подчеркнул ЕСПЧ, «участие граждан в демократическом процессе в значительной степени обеспечивается за счет принадлежности к ассоциациям, в рамках которых они могут взаимодействовать друг с другом и совместными усилиями преследовать общие цели». *ЕСПЧ. Гожелик и др. против Польши*, дело № 44158/98, постановление Большой Палаты ЕСПЧ, 17 февраля 2004 г., п. 92. См. также: *Совет по правам человека. Резолюция 38/11 «Поощрение и защита прав человека в контексте мирных протестов»*, 16 июля 2018 г., с. 11.

58 Среди самых последних источников см.: *ГА ООН. Резолюция 73/179* (примечание 52 выше), п. 9; *Совет по правам человека. Резолюция 42/15* (примечание 51 выше), п. 12 преамбулы.

59 «В эпоху цифровых технологий для осуществления прав человека, и, в частности, права на неприкосновенность частной жизни, свободное выражение мнений, *свободу мирных собраний и свободу ассоциации*, могут иметь большое значение технические решения в области обеспечения и защиты конфиденциальности цифровых сообщений, которые могут включать меры по шифрованию, использованию псевдонимов и обеспечению анонимности». *ГА ООН. Резолюция 73/179* (примечание 52 выше), п. 26 преамбулы (курсив наш).

тели IMSI могут применяться в целях отслеживания и перехвата входящих и исходящих сообщений, а также для редактирования или перемаршрутизации мобильного трафика и полного блокирования соответствующих услуг. Правительства могут использовать улавливатели IMSI для отправки сообщений на мобильные телефоны, работающие в определенном районе, чтобы таким образом запугать участников протестов или вынудить их разойтись и заняться какой-то другой деятельностью. Отключения интернета или ограничение возможностей для безопасного и конфиденциального обмена информацией также могут расцениваться как прямое вмешательство в реализацию права на свободу собраний, если они представляют собой попытку властей помешать организации протеста или разогнать уже начавшуюся акцию протеста. Эти действия прямо ограничивают возможность людей посещать собрание, взаимодействовать друг с другом и организовывать новые мероприятия⁶⁰.

Свобода собраний действительно относится к числу условных прав и при необходимости может быть ограничена даже в демократическом обществе — но только тогда, когда такое ограничение преследует законную цель и вводится в интересах национальной безопасности, общественного порядка и т. д.⁶¹ Тем не менее, как неоднократно подчеркивал Комитет по правам человека, такое ограничение свободы собраний допускается лишь при соблюдении строгих условий⁶². Ограничения могут вводиться исключительно на основании закона и в том случае, если они являются целесообразными и соразмерными обстоятельствам, однако чаще всего подобные вмешательства в реализацию этого права даже не предусмотрены законодательством. Так, например, во многих странах нет какой бы то ни было нормативно-правовой базы, которая регламентировала бы использование таких средств массового надзора, как улавливатели IMSI, причем участники протестов зачастую даже не информируются о том, что этот инструментальный применяется во время протестных акций⁶³.

Помимо этого, ограничения свободы собраний должны отличаться адресным характером и преследовать конкретную законную цель⁶⁴; между принимаемой мерой и заявленной целью должна существовать разумная

60 См.: Privacy International, *Submission to the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the Promotion and Protection of Human Rights in the Context of Peaceful Protests*, October 2019, доступно по адресу: <https://privacyinternational.org/sites/default/files/2019-12/PI%20ОНЧР%20peaceful%20protest%20submission%20October%202019.pdf>.

61 МПГПП, ст. 21; ECHR, Art. 11(2).

62 См., например: *Комитет по правам человека*. Зинаида Шумилина и др. против Беларуси, Сообщение № 2142/2012, соображения, 28 июля 2017 г.; *Комитет по правам человека*. Павел Левинов против Беларуси, Сообщение № 2082/2011, соображения, 14 июля 2016 г.

63 Privacy International, “IMSI Catchers: Facilitating Indiscriminate Surveillance of Protesters”, 19 June 2020, доступно по адресу: <https://privacyinternational.org/news-analysis/3948/imsi-catchers-facilitating-indiscriminate-surveillance-protesters>.

64 «Такие попытки подавить свободу выражения мнений неправомерны и преследуют незаконную цель, заключающуюся в ущемлении права на мирные протесты». *Кей, Дэвид*. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, док. ООН А/НRC/29/32, 22 мая 2015 г., п. 53.

взаимосвязь, то есть основанием для принятия такой меры не может служить абстрактный довод о том, что она может способствовать достижению цели⁶⁵. В то же время при введении всеобщих и неизбирательных надзорных мер⁶⁶ установить такую взаимосвязь, вероятно, не представляется возможным, равно как и обосновать применение подобных массовых вмешательств в любых обстоятельствах. В тех случаях, когда протесты перерастают в насилие, или в других ситуациях, сопровождающихся актами насилия, определенные адресные меры надзора и расследования являются допустимыми, но всеохватная борьба с абстрактной угрозой не способна должным образом изменить баланс. Так, например, правительства зачастую заявляют, что отключения интернета необходимы для защиты общественной безопасности в ситуациях, когда мирный протест готов перерасти в акт насилия, однако подобные блокировки «могут, скорее, усугубить напряжение, нежели снизить его градус»⁶⁷; они могут стать причиной волнения для собравшихся толп людей, которые лишатся возможности получать информацию о происходящем⁶⁸. Кроме того, отключения интернета затрагивают не только участников собраний, но и других людей, которые проживают, работают или просто находятся в районе проведения такого собрания.

После блокировки таких площадок, как Twitter и YouTube, Комиссар Совета Европы по правам человека заявил, что при общей допустимости блокирования незаконного контента использование этой меры в отношении целых коммуникационных платформ является несоразмерной реакцией. Таким образом, он потребовал отменить все блокировки подобного рода⁶⁹. Специальный докладчик ООН по вопросу о правах на свободу мирных собраний и ассоциации напомнил, что закрытие и блокирование целых веб-сайтов представляет собой крайнюю и несоразмерную меру, которая ни при каких обстоятельствах не может быть оправдана⁷⁰. Он также при-

65 Aharon Barak, “Rational Connection”, in *Proportionality: Constitutional Rights and their Limitations*, Cambridge University Press, Cambridge, 2012, pp. 303–316.

66 Под «всеобщими и неизбирательными надзорными мерами» здесь понимаются системы и технологии, которые используются для сбора, анализа и/или производства данных о больших группах людей вместо того, чтобы осуществлять надзор за отдельными лицами, в отношении которых имеются обоснованные подозрения в совершении правонарушения. См., например: Court of Justice of the European Union, *Tele2 Sverige AB v. Postoch telestyrelsen (C-203/15) and Secretary of State for the Home Department v. Tom Watson ao (C-698/15)*, Judgment, 21 December 2016.

67 “Silencing Opposition Is ‘Not the Solution’, UN Rights Chief Says as Internet Blackout Looms in DR Congo”, *UN News*, 17 December 2016, доступно по адресу: <https://news.un.org/en/story/2016/12/548052-silencing-opposition-not-solution-un-rights-chief-says-internet-blackout-looms>.

68 Специальный докладчик, напротив, подчеркнул, что интернет может использоваться для минимизации опасений по поводу общественной безопасности и для восстановления общественного правопорядка. Так, например, взаимодействие в интернете является важнейшим инструментом распространения достоверной информации в условиях кризисной ситуации. *Кей* (примечание 64 выше), п. 14.

69 *Annual Activity Report 2013 to the Parliamentary Assembly of the Council of Europe: Report of the Thirteenth Sitting*, AS (2014) CR 13, 8 April 2014.

70 *Совет по правам человека* (примечание 10 выше), п. 22.

звал запретить неизбирательное и нецелевое наблюдение за лицами, осуществляющими свое право на мирные собрания, как в физическом, так и в цифровом пространстве⁷¹.

Несомненность надзора равносильна нарушению права на свободу собраний

Несомненность надзора и вмешательства в технологии связи, особенно ввиду всеобщего и неизбирательного характера этих мер, в принципе, может расцениваться как нарушение обязательства по невмешательству в протесты как таковые, безотносительно к использованию полученной информации для дальнейшего прямого вмешательства в организацию собраний, как отмечается выше.

Несомненно, разумным будет предположить вероятность идентификации некоторых участников общественных собраний как в результате расследований, которые проводятся правоохранительными органами, так и по причине того, что их лица могут быть запечатлены на фотографии, опубликованной в газете. Однако современный масштаб надзора за собраниями, особенно если они являются акциями протеста, значительно превышает все возможные ожидания вероятной огласки⁷². В современных условиях установление личности участников протестов в результате обработки и анализа собранных властями данных становится практически неизбежным. Это означает, что всеобщий неизбирательный надзор за протестами равносильен необоснованному вмешательству в осуществление не только права на неприкосновенность частной жизни, но и права на мирные собрания, что, в свою очередь, ведет к ограничению свободы собраний.

Так, например, регулярное ведение аудио- и видеозаписи протестов в сочетании с технологией распознавания лиц предполагает сбор и обработку изображений лиц всех участников, попавших в объектив камеры (безотносительно к тому, в какой момент власти прибегают к распознаванию лиц — в режиме реального времени или постфактум). Постоянный архив данных, который может быть создан на базе этих записей, позволит властям, если они сочтут это необходимым, установить личность всех участников протеста даже спустя некоторое время⁷³. Верховный комиссар

71 Слежение за людьми, осуществляющими свои права на мирные собрания и ассоциации, может проводиться только на выборочной основе, если имеются разумные основания подозревать их в совершении или умысле на совершение серьезных уголовных преступлений, при этом должны соблюдаться строжайшие правила, исходящие из принципов необходимости и соразмерности и предусматривающие скрупулезный судебный надзор. *Вуле* (примечание 6 выше), п. 57.

72 Понятие «разумного ожидания неприкосновенности частной жизни» присутствует в законодательных нормах США, однако, судя по судебной практике ЕСПЧ, он в числе прочих тоже признаёт эту концепцию, хотя и в несколько иной трактовке. См., например: John Ip, “The Legality of ‘Suspicionless’ Stop and Search Powers under the European Convention on Human Rights”, *Human Rights Law Review*, Vol. 17, No. 3, 2017.

73 В Замечании общего порядка № 37 еще раз отмечается, что «ношение участниками собрания аксессуаров, закрывающих лицо, или иных средств маскировки, таких как капюшоны или маски, или принятие других мер с целью анонимизации своего участия может являться элементом

ООН по правам человека рекомендует государствам «никогда не использовать технологию распознавания лиц для идентификации тех, кто мирно участвует в собрании»⁷⁴.

Точно так же устройства по установлению личности, например улавливатели IMSI, способны неизбирательно отслеживать телефонные звонки тысяч людей, что является вмешательством в массовом масштабе⁷⁵. К тому же агрегирование информации, полученной с помощью разных средств и методов надзора до, во время и после протестов, дает правоохранительным органам возможность деанонимизации и установления личности всех участников протестов, независимо от того, подозреваются ли они в совершении преступления⁷⁶. В то же время продолжительность последствий, которые может повлечь за собой такой надзор, также претерпела кардинальные изменения, поскольку сегодня нет никаких сведений о том, как долго правоохранительные и другие органы, участвующие в надзоре за протестами, будут хранить архивы собранных данных⁷⁷.

Неотъемлемым элементом свободы собраний является возможность участвовать в протестах, не опасаясь наказания. Анонимность играет важную роль в обеспечении безопасного и конфиденциального обмена информацией по поводу планирования и проведения протестов, а также участия в этих протестах⁷⁸. Люди могут рассчитывать на анонимный харак-

выражения мнения участниками мирного собрания или способом защиты от репрессий или конфиденциальности частной жизни, в том числе в контексте новых технологий наблюдения». Замечание общего порядка № 37 (примечание 5 выше), п. 60. Дальнейшее развитие технологии распознавания лиц может привести к ограничению такой возможности. Сегодня уже есть компания, которая заявляет о работе над технологией, способной обеспечивать распознавание лиц, даже если они закрыты масками. Khari Johnson, "Facial Recognition Is No Match for Face Masks, but Things Are Changing Fast", *VentureBeat*, 8 April 2020, доступно по адресу: <https://venturebeat.com/2020/04/08/facial-recognition-is-nomatch-for-face-masks-but-things-are-changing-fast/>.

74 *Совет по правам человека* (примечание 10 выше), п. 53(h).

75 Это подтверждается и в Ежегодном докладе Верховного комиссара ООН по правам человека за 2020 г., хотя Верховный комиссар и не приходит к заключению о том, что такие всеобщие меры равносильны нарушению права на свободу собраний. *Совет по правам человека* (примечание 10 выше). См. также: *Совет по правам человека*. Резолюция 44/20 (примечание 13 выше), п. 26.

76 Если человек использует социальные сети, чтобы поддержать протест или присоединиться к нему, то полиция может собирать эту информацию до начала протеста; что касается проведения протеста, то, если человек берет с собой мобильный телефон, — а большинство поступает именно так, — за ним может вестись надзор при помощи беспилотников и улавливателей IMSI, а если человек приходит без мобильного телефона, то в отношении него могут применяться технологии распознавания лиц, меры по задержанию и обыску прохожих или отслеживание операций по его кредитным и проездным картам; и наконец, организаторы и другие «лица, представляющие интерес» (не лица, подозреваемые в совершении преступления), нередко остаются предметом надзора в течение длительного времени после завершения протеста.

77 В заключении по делу Кэйт ЕСПЧ сослался на принцип 2 Рекомендации R(87)15 об использовании личных данных правоохранительными органами, в котором говорится, что «сбор данных отдельных частных лиц лишь на основании их принадлежности к определенным движениям и организациям и в отсутствие соответствующих положений законодательства запрещен за исключением случаев, когда такие меры являются абсолютно необходимыми или требуются в рамках проведения конкретного расследования». ECtHR, *Catt* (примечание 47 выше), para. 124. См. также: ECtHR, *Segerstedt-Wiberg and Others v. Sweden*, Appl. No. 7124/09, Judgment (Second Section), 6 June 2006, para 107.

78 См. источники, перечисленные в примечании 16 выше.

тер толпы как источник защиты от наказания, особенно в условиях, когда любое проявление инакомыслия строго карается⁷⁹. Однако сегодня эта возможность уже потеряна, поскольку сам факт участия в акции протеста означает вероятную утрату конфиденциальности частной жизни, особенно если учесть, что совокупное использование этих систем и методов надзора гарантирует неизбежное получение информации об отдельных участниках при помощи если не всех этих средств, то как минимум каких-то из них, что приведет к установлению личности этих лиц. В этой статье приводится позиция, согласно которой неизбежность надзора как такового становится препятствием для организации собраний, включая протесты, и участия в них и, следовательно, представляет собой необоснованное вмешательство, равносильное покушению на свободу собраний.

Нарушение обязательства по поддержке собраний

Всеобщий неизбирательный надзор за участниками собраний и вмешательство во взаимодействие людей в интернете являются нарушением прямых обязательств государств по поддержке и защите свободы собраний, а также обязательства принимать меры предосторожности, чтобы не допустить нарушения и ущемления различных задействованных прав.

Государствам необходимо обеспечить возможность для полноценной реализации права на свободу собраний⁸⁰. Это означает, что на них возложено прямое обязательство принимать разумные и адекватные меры для поддержки и защиты законных демонстраций и создания условий для их мирного проведения⁸¹. Безусловно, для выполнения этих обязательств государства должны принимать определенные меры, например перераспределять потоки дорожного движения и обеспечивать безопасность участников⁸². В то же время при принятии таких мер следует учитывать определенные ограничения. Они не должны нарушать существо права и не могут служить обоснованием для осуществления действий, которые в числе прочих прав ущемляют право на свободу собраний⁸³.

Ликвидация сети, содействующей организации и проведению собраний до начала демонстрации, является мерой, которая представляет собой непосредственное нарушение прямого обязательства государств поддержи-

79 Замечание общего порядка № 37 (примечание 5 выше), п. 60.

80 ECtHR, *Kudrevičius and Others v. Lithuania*, Appl. No. 37553/05, Judgment (Grand Chamber), 15 October 2015, para. 158; ECtHR, *Djavit An v. Turkey*, Appl. No. 20652/92, Judgment (Third Section), 20 February 2003, para. 57.

81 См., например: *Совет по правам человека*. Резолюция 44/20 (примечание 13 выше), п. 4; *Совет по правам человека*. Резолюция 25/38 (примечание 13 выше), п. 4; *Совет по правам человека*. Резолюция 24/5 (примечание 13 выше), п. 8 преамбулы. См. также: *P. van Dijk et al.* (примечание 5 выше), pp. 836–837.

82 ECtHR, *Oya Ataman v. Turkey*, Appl. No. 74552/01, Judgment (Second Section), 5 December 2006, para. 39.

83 *Комитет по правам человека*. Замечание общего порядка № 31 «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта», док. ООН CCPR/C/21/Rev.1/Add.13, 26 мая 2004 г. (Замечание общего порядка № 31), п. 6.

вать реализацию права на свободу собраний. Сопутствующая деятельность, которая ведется в режиме онлайн в преддверии собрания, также подлежит защите в рамках права на свободу собраний⁸⁴. Как неоднократно отмечал ЕСПЧ, «система тайного надзора, созданная в целях защиты национальной безопасности, может подрывать и даже разрушать основы демократии под видом ее защиты»⁸⁵.

Нарушение конфиденциальности обмена информацией как такового ущемляет право на свободу собраний, поскольку возможность защищенного и конфиденциального использования технологий связи является ключевым условием для организации и проведения собраний⁸⁶. Таким образом, любой всеобщий неизбирательный надзор за участниками собраний и вмешательство во взаимодействие людей в интернете, включая блокирование соединения с интернетом или мониторинг социальных сетей и других средств онлайн-взаимодействия, должны трактоваться как нарушение обязательства государств по поддержке ассамблей⁸⁷.

Нарушение обязательства по обеспечению нормативно-правовой базы, гарантирующей защиту свободы собраний

Массовый надзор и вмешательство во взаимодействие людей в интернете нарушают прямое обязательство государств по формированию благоприятных условий для реализации права на мирные собрания.

Одним из его аспектов является всеобъемлющее обязательство государства по обеспечению надлежащей, доступной и прогнозируемой нормативно-правовой базы, которая регламентирует осуществление права на свободу собраний⁸⁸. В этой нормативно-правовой базе должны быть четко установлены права и обязанности всех лиц, которые действуют в официальном порядке — в том числе частные компании, которые отвечают за обеспечение безопасности на условиях договора подряда — и занимаются регулированием собраний в соответствии с международными стандартами, включая определение лиц, которые вправе осуществлять надзор

84 Замечание общего порядка № 37 (примечание 5 выше), п. 34.

85 См., например, применительно к делам, касающимся неприкосновенности частной жизни: ECtHR, *Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom*, Appl. Nos 58170/13, 62322/14, 24960/15, Judgment (First Section, pending referral to the Grand Chamber), 13 September 2018, para. 308; ЕСПЧ. Дело «Роман Захаров против России», жалоба № 47143/06, постановление (Большая Палата), 4 декабря 2015 г., п. 232.

86 Совет по правам человека подчеркнул, что «возможность защищенного и конфиденциального использования технологий связи... имеет важное значение для организации и проведения собраний». Совет по правам человека. Резолюция 44/20 (примечание 13 выше), п. 22 преамбулы. См. источники, перечисленные в примечании 16 выше.

87 В числе прочего Совет по правам человека еще раз отмечает «важное значение поощрения и облегчения всеми государствами доступа к Интернету, а также налаживания международного сотрудничества, направленного на развитие медийных и информационно-коммуникационных ресурсов во всех странах». Совет по правам человека. Резолюция 24/5, (примечание 13 выше), п. 8 преамбулы.

88 Замечание общего порядка № 37 (примечание 5 выше), п. 28; см. также обязательство по содействию проведению протестов в п. 24.

за протестами или вмешиваться в них с задействованием новых технологий, и обозначение условий, при которых подобные меры могут быть приняты⁸⁹. Так, например, использование улавливателей IMSI в отсутствие какой-либо нормативной базы, равно как и применение военных беспилотников-«хищников» или вмешательство во взаимодействие в интернете путем перехвата, переадресации или блокирования определенных платформ или страниц должны также автоматически рассматриваться как нарушения права на свободу собраний⁹⁰.

Сегодня все чаще возникают ситуации, когда полиция прибегает к мерам надзора и вмешивается в технологии связи, не руководствуясь какими бы то ни было конкретными положениями законодательства либо по причине отсутствия таких положений, либо из-за излишне широкого толкования имеющихся. Отсутствие нормативно-правовой базы, которая регламентировала бы использование новых технологий в целях надзора или вмешательства до, во время и после протестов, или наличие такой базы, которая наделяет власти чрезмерно широкими и избыточными полномочиями, следует расценивать как прямое нарушение обязательства, гарантирующего осуществление права на свободу собраний.

Нарушение обязательства по соблюдению права на свободу собраний

Всеобщий неизбирательный надзор и вмешательство во взаимодействие в интернете являются нарушением обязательства по соблюдению свободы собраний, поскольку оказывают демотивирующее воздействие на людей.

В рамках своего обязательства по соблюдению права на свободу собраний государства несут также негативное обязательство, означающее, что они должны воздерживаться от действий, которые воспрепятствуют реализации этого права⁹¹. Всеобщий неизбирательный надзор и вмешательство во взаимодействие в интернете способны демотивировать людей, заставляя их отказываться от осуществления права на свободу собраний, так как наблюдение за участниками и ведение записи во время собрания могут привести к тому, что некоторые люди не захотят в нем участвовать⁹². В своем заключении по делу Big Brother Watch ЕСПЧ подтвердил, что любое предполагаемое нарушение конфиденциальности взаимодействия без каких-либо ограничений может привести к негативному воздействию, то есть к добровольному ограничению своего законного права, а именно права на свободу выражения мнений; на основании этого ЕСПЧ пришел к выводу о нарушении статьи 10 Европейской конвенции по правам чело-

89 Замечание общего порядка № 37 (примечание 5 выше), п. 28.

90 См. выше информацию об улавливателях IMSI.

91 См., например: ECtHR, *Plattform "Ärzte für das Leben" v. Austria*, Appl. No. 10126/82, Judgment, 21 June 1988.

92 *Совет по правам человека* (примечание 16 выше), п. 76.

века⁹³. Неизбежность надзора (см. выше), таким образом, должна толковаться не только как вмешательство в осуществление права на свободу собраний, но и как нарушение обязательства по соблюдению этого права.

Кроме того, эти новейшие формы государственного надзора и их недостаточно предсказуемые и прозрачные методы (например, использование технологий распознавания лиц) приводят к дальнейшему ограничению права на свободу собраний и возможностей его осуществления⁹⁴. Как предостерегает Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение: «Даже узкое, нетранспарентное, не задокументированное и служебное слежение может иметь негативные последствия в отсутствие тщательного и публичного документирования использования этой практики и известной системы контроля и противовесов для предотвращения злоупотреблений в данной области»⁹⁵.

Покушение на существование права на свободу собраний

Наконец, всеобщий неизбирательный надзор и вмешательство во взаимодействие людей в интернете подрывают само существование права на свободу собраний.

Документы по правам человека, гарантирующие свободу собраний, допускают возможность некоторого вмешательства в осуществление этого права при условии соблюдения ряда принципов, которые подлежат строгому толкованию, включая законность, целесообразность и пропорциональность, и лишь в той мере, в которой они не идут вразрез с самим существованием или сутью этого права. Как подчеркнул Комитет по правам человека, «ни при каких обстоятельствах ограничения не могут применяться или осу-

93 ECtHR, *Big Brother Watch* (примечание 85 выше), para. 495. См. также: *Bart van der Sloot*, “Is the Human Rights Framework Still Fit for the Big Data Era? A Discussion of the ECtHR’s Case Law on Privacy Violations Arising from Surveillance Activities”, in Serge Gutwirth, Ronald Leenes and Paul De Hert (eds), *Data Protection on the Move: Current Developments in ICT and Privacy/Data Protection*, Springer, Dordrecht, 2016, p. 422.

94 В контексте тайного надзора ЕСПЧ признал «недопустимой ситуацией, когда обеспечение права, гарантированного Конвенцией, таким образом, прекращается на основании лишь того факта, что лицо, о котором идет речь, остается в неведении о том, что это право было нарушено». ECtHR, *Klass and Others v. Germany*, Appl. No. 5029/71, Judgment (Plenary), 6 September 1978, para. 36. Применительно к свободе выражения мнений Специальный докладчик Дэвид Кей отмечает, что «излишнее и несоразмерное слежение может подорвать безопасность в сетевой среде и доступ к информации и идеям. Слежение может оказывать сковывающее воздействие на выражение мнений в сетях обычными гражданами, которые могут заниматься самоцензурой, опасаясь того, что за ними постоянно следят. Слежение оказывает несоразмерное воздействие на свободу выражения мнений широкого круга уязвимых групп, включая расовые, религиозные, этнические, гендерные и сексуальные меньшинства, членов определенных политических партий, гражданского общества, правозащитников, таких специалистов, как журналисты, юристы и профсоюзные деятели, жертв насилия и надругательств, а также детей». Кей, Дэвид. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, док. ООН A/HRC/32/38, 11 мая 2016 г., п. 57.

95 Ла Рю, Франк. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, док. ООН A/HRC/23/40, 17 апреля 2013 г., п. 52.

ществляться таким образом, чтобы это нарушало существо признанного в Пакте права»⁹⁶.

Это обязательство закреплено в основных положениях каждого документа по правам человека, гарантирующих, что ни один аспект этих положений не может быть истолкован как возможное разрешение государству или другому субъекту принимать меры, которые повлекут за собой ликвидацию любой из закрепленных в документе свобод, включая право на свободу собраний⁹⁷. В постановлении по делу, касающемуся мер, ограничивающих свободу собраний, ЕСПЧ постановил следующее:

уведомления и даже процедуры выдачи разрешений для проведения публичного мероприятия, в общем, *не посягают на сущность права в соответствии со статьей 11 Конвенции, поскольку целью упорядочивания собраний является предоставление властям возможности принимать разумные и надлежащие меры для обеспечения [их] беспрепятственного проведения*⁹⁸.

Вместе с тем он также постановил, что «приведение в исполнение таких правил не может стать самоцелью»⁹⁹.

При рассмотрении другого дела Суд отметил, что

само существо права на свободу мирных собраний будет нарушено, если государство не запрещает демонстрацию, но затем вводит санкции (пусть даже в форме максимально мягкой меры наказания) в отношении ее участников просто за сам факт присутствия на ней, несмотря на то, что эти участники не совершили ничего предосудительного, как и произошло в деле заявителя¹⁰⁰.

Иными словами, суть данной аргументации заключается в том, что тотальный надзор и иные виды вмешательства, способные удержать людей от участия в собраниях, могут расцениваться как действия, которые негативно влияют на существо права на свободу собраний.

96 Замечание общего порядка № 31 (примечание 83 выше), п. 6. В другом контексте ЕСПЧ также отметил, что существует «риск того, что система тайного надзора, созданная в целях защиты национальной безопасности, может подрывать и даже разрушать основы демократии под видом ее защиты». *ЕСПЧ. Дело «Захаров против России»* (примечание 86 выше), п. 232. Совет по правам человека также отметил, что «никакое ограничение права на неприкосновенность частной жизни не должно подрывать существо соответствующего права, и любое ограничение должно соответствовать другим правам человека». *Совет по правам человека. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век: доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, док. ООН А/НRC/27/37, 30 июня 2014 г.*, п. 23.

97 МППП, ст. 2; ECHR, Art. 17; ВДПЧ, ст. 30.

98 *ЕСПЧ. Дело «Навальный против России»* (примечание 56 выше), п. 100 (курсив наш).

99 Там же, п. 100.

100 Таким образом, Суд постановил, что вмешательство в осуществление права заявителя на свободу мирных собраний не является «целесообразным в условиях демократического общества». ECHR, *Galstyan v. Armenia*, Appl. No. 26986/03, Judgment (Third Section), 15 November 2007, para. 117; см. также: ECtHR, *Ashughyan v. Armenia*, Appl. No. 33268/03, Judgment (Third Section), para. 93.

Ограничения, которые вводятся в отношении этого права, не должны неприемлемым образом ослаблять гарантируемый им уровень защиты. Свобода собраний является гарантией права на коллективные и мирные встречи между людьми в целях проведения демонстрации или протеста без риска последующего наказания. По итогам ознакомления с аргументацией, которая приводится в предыдущих разделах, мы можем заключить, что подрыв анонимности участников, неизбежность надзора и тотальное вмешательство во взаимодействие людей исключительно по причине их участия в собрании негативно отражаются на существовании права на свободу собраний.

Заключение

Государства все чаще прибегают к новым формам контроля, таким как надзор и вмешательство во взаимодействие в интернете, для того, чтобы контролировать проведение собраний за счет, например, всеобщего неизбирательного надзора, отключений интернета, а также блокирования социальных сетей, веб-страниц и мобильных приложений.

Нет никаких сомнений в том, что новая цифровая реальность вынуждает власти адаптироваться к изменившимся условиям и использовать имеющиеся в их распоряжении инструменты для обеспечения безопасного и беспрепятственного регулирования собраний и движений. Однако при этом они неизменно должны соблюдать одно условие — в процессе всегда должна быть обеспечена защита прав человека.

При использовании любых подобных мер необходимо соблюдать законодательные требования, касающиеся не только права на неприкосновенность частной жизни и свободу выражения мнений, но и права на свободу собраний. Всеобщий неизбирательный надзор и неограниченное вмешательство во взаимодействие людей в интернете равносильны прямому посягательству на право на свободу собраний по целому ряду причин и как таковые не должны использоваться применительно к собраниям — и, возможно, вообще когда бы то ни было, но это тема для отдельного разговора¹⁰¹. Всеобщий неизбирательный надзор и вмешательство во взаимодействие людей в интернете являются посягательством на свободу собраний в тех случаях, когда их используют для прямого и необоснованного ограничения проведения собраний; в результате надзор приобретает не вероятный, а неизбежный характер; таким образом власти нарушают обязательства по поддержке собраний и по соблюдению права на свободу собраний, и, наконец, их действия представляют собой покушение на само существование этого права.

101 См. аргументацию, представленную Big Brother Watch, Privacy International, Amnesty International и семью другими организациями по делу *Big Brother Watch and Others v. UK*, которое на момент написания статьи находилось на рассмотрении Большой Палаты. ECtHR, *Big Brother Watch* (примечание 85 выше).

Безусловно, некоторые из этих мер могут быть истолкованы и иногда толкуются как нарушение права на неприкосновенность частной жизни и/или на свободу выражения мнений. В то же время, изучив их воздействие на другие права, мы сможем более успешно защищать базовые ценности, которые отстаивает каждый из нас. Этот отдельный правовой анализ необходим не только ради защиты особой природы свободы собраний, которая гарантирует возможность коллективных действий, но и для более эффективного регулирования мер по надзору и вмешательству во взаимодействие в интернете в контексте собраний, демонстраций и протестов. Свобода собраний — это лишь начало, и дальше последуют другие права человека с их особыми характеристиками, включая право на свободу вероисповедания и убеждений и право на участие в общественных делах.